

Константин Станюкович
Дяденька Протас Иванович

«Public Domain»

1892

Станюкович К. М.

Дяденька Протас Иванович / К. М. Станюкович — «Public Domain», 1892

Основой для рассказа послужил один из очерков цикла “Картинки общественной жизни”, напечатанный в журнале “Дело”, 1882, за подписью: Откровенный писатель.

Содержание

I	5
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Константин Михайлович Станюкович

Дяденька Протас Иванович

I

Не он ли, Протас Иванович, пользовавшийся в Коломне и на Песках, где живут многочисленные его родственники, репутацией человека гениального ума (“готовился в ветеринары, а куда метнул!” – прибавляли обыкновенно при этом), не стеснявшегося попросту говорить “правду-матку” в глаза непосредственному своему начальству, – не он ли, бывало, торжественно восклицал, бия увесистым кулаком по своей широчайшей груди:

– У меня хищение?! Я давно искоренил хищение. У меня строгий порядок... Чиновник у меня – верный, добрый, бессребренный чиновник... У меня...

И, не находя более слов, под бременем охватывавших его благородных чувств, дяденька Протас Иванович обыкновенно схватывал меня за руку и подводил к стене кабинета, которая сплошь была увешана различными картами и таблицами.

– Смотри, скептик!.. Видишь? У меня тут всё, как на ладони! Весь механизм администрации в графическом изображении. Отсюда я все вижу и все знаю...

Я обыкновенно смотрел на эти красиво раскрашенные карты и таблицы, пестревшие красными, синими, зелеными и черными кружками, линиями и черточками, против которых стояли красиво выведенные цифры, – и восхищался.

– Действительно, дяденька... Превосходные таблицы!

– То-то! На них все показано... все до малейшей подробности...

– Верны ли они?

– Я, братец, два года этим занимался... Двенадцать чиновников работали над ними...

– Положим, дяденька, по этим таблицам вы можете представлять себе...

– Не представлять, а знать! – резко перебивал Протас Иванович.

– Но есть ли у вас диаграмма нравственных качеств ваших подчиненных?..

Дяденька, питавший необычайную слабость к всевозможным статистическим таблицам и графическим изображениям, на минуту был озадачен моим вопросом.

“В самом деле, не дал ли он маху? Почему у него нет такой таблицы?” – говорило, казалось, его широкое, скуластое лицо, на котором блестели маленькие глазки. Мысль эта, по-видимому, очень заинтересовала его, и гениальная голова уже разрабатывала ее с быстротой, обычной в характере Протаса Ивановича Мордасова.

Недаром он часто говорил: “Во всем нужны, братец, быстрота и русская сметка... Русский человек всякое дело обмозгует. Вот я по ветеринарии курс кончил, а слава богу... Да назначь меня хоть адмиралом... не бойсь, не ударю лицом в грязь... Главное: здравый смысл!”

– Такой таблички у меня, по правде сказать, нет! – ответил, наконец, дяденька и даже несколько сконфузился. – Но ты мне подал мысль... Я прикажу составить такую... Как ты назвал?

– Диаграмма...

– Да, диаграмму... Завтра же велю сделать... Это в самом деле очень просто и удобно... Вместо того чтобы справляться в списке о чиновниках, я сейчас же взгляну на таблицу и... шабаш! Вполне благонадежный чиновник будет обозначен лиловым кружком, просто благонадежный – синим, а внушающий опасения – черным... Это, братец, отлично!..

Через два дня в кабинете прибавилась новая таблица, и дядя ликовал. Показывая мне ее, он, впрочем, заметил:

– Конечно, табличка облегчает справки, но я и без нее отлично знаю, каковы у меня подчиненные... Превосходно знаю. Выбор у нас не то, что в других местах. Я сперва выисповедаю человека, и как он уйдет от меня, я его насквозь понимаю... Конечно, кое-какие злоупотребления могут быть – тут никто ничего не поделает – но чтобы хищение, систематическое хищение... никогда!

– Трудно, дяденька, ручаться по нынешним временам.

– Зарядил: трудно... Я и жалованье прибавил, и, наконец, у меня знают, как я на хищение смотрю... Хищник у меня, братец, держись только... Ты, верно, не читал моих циркуляров? Некоторые из них в газетах даже были напечатаны как образец... Прочитай-ка, да и говори потом...

И дяденька дал мне довольно большой томик приказов и циркуляров, в которых увещательных и грозных посланий насчет хищения было немало. В одном из таких посланий, между прочим, говорилось: “Хищение будет мною преследоваться по всей строгости законов. Все можно извинить, но хищение никогда. Хищение – это язва, разъедающая наш организм; я надеюсь, что наш округ останется чист от каких бы то ни было нареканий в лихоимстве” и так далее. В послании, появившемся вслед за назначением Протаса Ивановича на место, было изображено: “Я считаю долгом объяснить коротко и ясно. Я простой русский человек и изворотов не люблю. Бескорыстие, правдивость и трудолюбие – вот главнейшие качества, составляющие украшение человека, а тем более чиновника. С ними всякий может смело рассчитывать на меня. Я жажду правды, одной правды и ничего более! Пусть каждый смотрит на меня не как на начальника, а как на старшего товарища и попросту, по-русски, говорит в глаза “правду-матку”... Но да трепещет лихоимец, если только таковой скрывается между нами. Пусть лучше он заранее бросает службу, – иначе его ждет немилосердная кара. С хищниками я буду беспощаден. Ни слезы, ни раскаяние, ни многочисленное семейство – ничто не остановит меня... Каждая неправильно стяжанная у казны копейка есть преступление, ничем не оправдываемое”.

В Коломне и на Песках эти послания нередко читались вместо посланий святых апостолов, на сон грядущий, и производили немалую сенсацию среди бесчисленной родни Протаса Ивановича.

– Протас-то Иванович каков! Готовился в ветеринары, а теперь... поди ты!

– Ум, ум-то какой!.. А ведь обучался на медные деньги!

– И правду-то как любит! Намедни, слышал?.. Приехал он в Петербург и явился к князю Остроленкову. Ну, там, разумеется, все по этикету, у князя-то, как следует в высшем обществе, а наш-то простец этого не любит... Князь спрашивает о чем-то дяденькиного мнения, а он-то, наш Протас Иваныч, начистоту: “Извините, говорит, ваше сиятельство, я, говорит, русский, простой человек, я, говорит, не знаю по-французски и всяких, говорит, там выкрутасов... Я от души, напрямки”. Да так-таки прямо и выложил ему свою душу-то!

– А князь что?..

– Его сиятельство тоже настоящий русский человек. Он потрепал Протаса Иваныча по плечу так ласково и говорит: “Правды-то нам и нужно, Протас Иванович! Все нынче изолгались и врут, говорит, как сивые мерина. Я и не знаю, кому верить... Так как же не ценить нам таких простых людей, как вы”. При этих словах и Протас Иваныч не выдержал – ты знаешь ведь его сердце? – он заплакал и от полноты чувств князя-то в ручку, а сам шепчет: “Не обессудьте, ваше сиятельство! Я, говорит, не могу, сердце переполнено от таких слов... Я русак бесхитростный”. И тогда его сиятельство изволили обнять его, и, обнявшись, они простояли так минуты две и оба плакали... А за правду-то Протасу Иванычу велели выдать подъемных две с половиной тысячи... И то сказать: мундирчик-то на нем был ветхенький; его сиятельство обратили внимание, а Протас Иваныч на это замечание опять-таки прямо, наотмашь: “Не из чего мне, ваше сиятельство, новых мундирчиков шить. Можно походить и в старом мундир-

чике, подкладочку новую ластиковую поставить, что ли, если душа чистая”. И тут же, попросту, продекламировал:

Вот идет Петрушка -
Черный трубочист,
Хоть лицом он грязен,
Но душою чист...

Его сиятельству очень понравился этот стишок... Он несколько раз заставил Протаса Иваныча повторить его и просил записать на память, причем, как рассказывал Протас Иваныч, дал о стишке такой одобрительный отзыв: “Стишок отменно хорош и остроумен. Автор выразил в нем патриотические чувства и зрелый талант”.

II

Одним словом, про дяденьку Протаса Ивановича ходило немало рассказов, свидетельствующих об его уме, находчивости, бескорыстии и, главное, об его способности резать “правду-матку”, ни перед кем не стесняясь, с наивной грубостью медведя и с чистосердечием откровенного человека.

И – что всего удивительнее – эта откровенность не только не представляла неудобств, а, напротив, усеяла жизненный путь Протаса Ивановича розами и фиалками.

Протас Иванович еще и в молодых годах не стеснялся резать “правду-матку” и этим самым отличался от своих товарищей по успехам в жизни. Товарищи его не столь плотные, как дяденька, не имели такого пристрастия к откровенности и, напротив, достигли успехов тощим видом, скромностью и готовностью иметь столько правд у себя в боковом кармане, сколько находилось над ними начальников.

Дяденьке Протасу Ивановичу, очевидно, не к лицу были такие приемы. Он и в молодые годы был коренаст и необыкновенно толст, имел широкую грудь и короткую шею, на которой была помещена большая голова, с трудом поворачивающаяся, точно она была пришита к затылку. С такою наружностью как ни ухитряйся, а трудно пробраться в задний карман начальства и сидеть в нем, как в маленьком раю. Тощему это можно, а толстому – нельзя. И как ни старайся, а никак не сделаешь из румяного, брызжущего здоровьем, широкого мясистого лица с вечно веселой улыбкой – той изжелта-бледной физиономии без улыбки, а с одной только готовностью умереть во всякое время дня и ночи, – которой обыкновенно отличаются худощавые люди, достигающие намеченной цели тихонько, не торопясь, более помалчивая, чем болтая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.